

УДК 81'373.2:82-312.9

ББК 81.031.4

Л 43

Лекарева О.В.

Преподаватель 109 кафедры русского языка Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков, e-mail: rekarewa@yandex.ru

О фантастической реальности и фантастических реалиях: формирование терминологии исследований по языку литературы фэнтези (Рецензирована)

Аннотация:

Впервые подвергнуты критическому анализу термины, которые используются в исследованиях лексики произведений фэнтези. Цель – оценить особенности формирующегося терминологического аппарата описания лексических единиц, маркирующих тексты данного жанра. Решались две задачи: описать системные связи основных понятий и проанализировать функциональные свойства узкоспециальных терминов, которыми оперируют исследователи языка фэнтези. С помощью метода оппозиций выявлены общие и дифференциальные компоненты понятий «вторичный мир», «фантастическая реальность», «фантазийный мир» и других, которые часто функционируют как синонимичные друг другу, но на самом деле находятся в неравноправных отношениях. В теоретическую значимость результатов проведенного анализа входит выявление имплицитной семантики ряда терминов, что позволяет уточнить их дефиниции. К практической значимости относятся рекомендации по использованию терминов-неологизмов и узусных терминов как инструментов дальнейших исследований языка текстов фэнтези. Предложено использовать прилагательное *фэнтезийный*. Обоснована дифференциация авторских неологизмов и окказионализмов еще на стадиях создания текста фэнтези или его перевода на другой язык. Проведен анализ исследовательского и деривационного потенциала терминов с компонентом *квази*. Введен термин «квазизнания» и обосновано расширительное применение термина «экзотизм» для разных классов лексики, маркирующей жанр фэнтези.

Ключевые слова:

Терминология фэнтези, «вторичный мир», фантастическая реальность, фантастические реалии, экзотизм.

Lekareva O.V.

Lecturer, Russian Language Department, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots, e-mail: rekarewa@yandex.ru

On fantastic reality and fantastic realities: formation of terminology for research on the fantasy fiction language

Abstract:

The article is the first to critically analyze the term units that are used in research of the vocabulary of fantasy works. The purpose of the article is to evaluate the features of

the emerging term apparatus for describing lexical units-markers of texts of this genre. The purpose of the article is to evaluate the peculiarities of the emerging terminology used in the study of fantasy language by Russian linguists. The two problems are to describe the system connections of concepts and to analyze the functional properties of highly specialized terms used by researchers of the fantasy language.

Using the method of oppositions, the General and differential components of the concepts “secondary world”, “fantastic reality”, “fantasy world” and others are identified, which function as synonymous with each other, but in fact are in the relations of hierarchy, and the terms denoting them are in the relations of “hyperonym – hyponym”. The theoretical significance of the results of the analysis includes the identification of implicit semantics of a number of terms, which allows us to clarify their definitions. Practical significance includes recommendations on the use of terms-neologisms and usual terms as tools for further research of the language of fantasy texts. It is suggested to use the adjective *fantasy* as a more specialized one. The differentiation of author’s neologisms and occasional words at the stages of creating a text or translating it into another language is justified. The analysis of terms with the “quasi” component was made concerning their research and derivation potential. The term *quasi-knowledge* is introduced and the extended use of the term *exoticism* is justified for different classes of vocabulary that mark fantasy as a genre.

Keywords:

Fantasy fiction, “secondary world”, fantastic realness, fantastic realities, exoticism.

Почти за полвека популярности в России современной фэнтезийной литературы появилось множество литературоведческих, а затем и лингвистических исследований, которые посвящены описанию литературы фэнтези с целью выявления ее жанровых особенностей. Активно ведутся поиски жанрообразующих компонентов произведений фэнтези, проявленных в жанрово маркированной лексике. В связи с этим нам представляется логичным проанализировать терминопараметр метаязыка отечественных лингвистических работ по данной проблематике.

Родоначальник современного классического фэнтези Дж. Р.Р. Толкин в свое время использовал выражения *the secondary reality of the fictional world* «вторичная реальность вымышленного мира» и *the secondary world* «вторичный мир» [1]. Лексема *реальность* обозначает «то, что действительно существует». Следовательно, номинация *вторичная реальность* обозначает реальность, производную от первичной, но не содержит прямых указаний на ее вымышленный, фиктивный характер. Оксюморонным сочетанием *вымышленная реальность*

номинаруется «то, что якобы действительно существует». Теперь рассмотрим семантику лексемы *мир*. По нашим наблюдениям, у 7 из 8 лексико-семантических вариантов данной лексемы в словарных толкованиях использованы такие семантические компоненты, как «жизнь», «природа», «человек», «люди», «общество», «вселенная». Но и в толковании первого, наиболее абстрактного из значений данной лексемы указан признак «наличие всех форм материи», что также подразумевает и наличие жизни как одной из всевозможных форм материи. Исходя из этого, интегральный семантический признак лексемы *мир* можно обобщенно сформулировать следующим образом: «место, где есть разнообразие жизни». И поэтому Средиземье в произведениях Дж.Р.Р. Толкина, конечно, вид реальности, но прежде всего оно именно *мир*, населенный и обжитый людьми и разными фантастическими существами. Кроме того, опыт показывает, что понятие «виртуальные (или возможные) миры», использованное по отношению будь то к литературе фан-фикшн или к компьютерным играм, как само собой разумеющееся включает отнюдь

не безжизненные пространственно-временные континуумы, а гипотетические «вселенные», т.е. населенные миры.

В работах по языку фэнтези понятие «вторичный мир» часто недифференцированно используется как синоним по отношению к созданной автором вторичной (фантастической) реальности. Однако если рассуждать последовательно, то номинация *вторичная реальность* уже по определению находит себе сферу применения и вне рамок рассматриваемого жанра. Это весьма широкое понятие, охватывающее вообще любую художественная реальность, которая всегда вторична, производна от реальности первичной, бытийной. Более того, следует отметить, что и языковая картина мира, и научная картина мира – это также вторичные по отношению к природе и жизни феномены, созданные при помощи языка. Функционирующее в отечественном лингвистическом дискурсе понятие «языковая картина нереального мира» [2] также применимо не только к жанру фэнтези, но и к волшебной сказке, научной фантастике, космоопере, альтернативной истории, утопии, даже к художественным нарративам, изложенным от имени животного или сумасшедшего и т.д.

Итак, мы имеем, по сути, две пары независимых друг от друга бинарных оппозиций: 1) «первичное – вторичное» и 2) «реальное – нереальное». Понятия «реальность» – «мир» составляют оппозицию иного порядка, где мир – это обитаемая часть реальности, а реальность – один из атрибутов мира. Недостаточная дифференцированность понятий «вторичный мир», «фантастическая реальность», «фантазийный мир» и других снимается их референцией в научном тексте, посвященном, например, изучению литературы фэнтези. С учетом специфики жанра, о котором идет речь, было бы логично использовать при квалификации и последующей характеристике его

свойств прилагательное *фэнтезийный*, снабдив последнее дефиницией – «относящийся к жанру фэнтези», например в понятиях «языковая картина фэнтезийного мира» или «языковой образ фэнтезийного мира».

Рассматриваемые понятия на самом деле неравноправны, находятся друг к другу в отношениях иерархии, а обозначающие их термины – в отношениях гиперо-гипонимии. Поскольку словосочетание «вторичный мир» может быть истолковано в самом широком значении как «словесная картина первичного мира», постольку оно может использоваться как родовое понятие в системе смежных понятий, располагающихся по нарастанию специализации семантики в следующем порядке: «вторичный мир» – «вымышленный мир» (вид вторичного мира) – «фантастический мир» (вид вымышленного мира) – «фэнтезийный мир» (вид фантастического мира). Аналогично понятие «вторичная реальность» является родовым для ряда следующих понятий: «вымышленная реальность» (вымышленная вторичная реальность) – «художественная реальность» (вымышленная реальность художественного произведения), «фантастическая реальность» (реальность художественного произведения с фантастическими допущениями), наконец, «фэнтезийная реальность» (фантастическая реальность с характерными атрибутами фэнтези – магией, мифологическими, легендарными и фольклорными мотивами).

В подавляющем большинстве современных лингвистических исследований фэнтези делается акцент на приемах создания образа вымышленного мира, описаниях его непохожести на наш мир и, соответственно, внимание лингвистов привлекают в первую очередь языковые маркеры этого фэнтезийного мира, обозначающие его характерные атрибуты. В числе таких атрибутов – несуществующие фантастические предметы и

явления, часть названий которых изобретена автором текста фэнтези. Эти лексические единицы привлекают внимание исследователей и квалифицируются ими как *окказионализмы* [3], *авторские неологизмы* [4], *псевдореферентные номинации* [5], *названия квазиреалий* [6], *квазитопонимы* [7] и т.д. С учетом того, что авторы классифицируют рассматриваемую лексику по разным основаниям, в системном аспекте одна и та же лексема может входить в разные таксоны единиц: название квазиреалии, может быть одновременно неологизмом, онимом и квазитопонимом. Например, название вымышленной страны *Вестерос* в эпопее Дж. Мартина «Песнь льда и пламени» – это представленные в одном и том же слове и квазиреалия, и авторский неологизм, и оним (имя собственное), и квазитопоним.

По нашему мнению, применительно к тексту романа фэнтези дифференциация окказионализмов и узуальных авторских неологизмов – двух разновидностей авторских неологизмов – носит особый характер. Окказионализм – это слово, созданное «по случаю» и использованное автором в одном контексте, т.е. однократно. Названия же многих фантастических предметов и явлений из текстов популярных современных фэнтези создавались для их последующего многообразного использования в тексте произведения. Затем эти новые слова, как правило, уже через весьма короткое время, начинали функционировать в массовом дискурсе читателей, членов фан-сообществ, обсуждающих фэнтезийные произведения. К тому же, об окказионализмах как аспекте словообразования можно говорить только по отношению к языку оригинала переводных произведений. Если же в русский текст такие лексические единицы пришли без их поморфемного перевода, готовыми, то это не окказионализмы в строгом понимании термина, а уже неологизмы-замещения. Если же переводчик

калькирует новации или автор русскоязычного фэнтези изобретает новые названия, то и среди таких слов также следует четко дифференцировать *узуальные авторские неологизмы и окказионализмы*. Ведь первые не только строятся в системе существующих парадигм языка, но также могут обладать значимостью в системе данного текста, если они многократно используются в нем как «легитимные», мотивированные сюжетом и потому отнюдь не «случайные» знаки.

Далее рассмотрим новые термины, обозначающие фантастические реалии с помощью компонента *квази*. Их следует признать удобными благодаря краткости и транспарентности формы. Однако продуктивность этой деривационной модели пока что ограничена группой абстрактных (понятийных) существительных. Предположительно, в силу предметности семантики не используются, например, возможные образования гиперонимов типа *квазиоружие* (якобы оружие) или *квазитранспорт* (якобы транспорт), гипонимами которых могли бы стать названия вымышленных видов оружия и транспорта – неперенные атрибуты многих волшебных сказок и современных фэнтези. Вместе с тем можно предложить дальнейшую терминологическую деривацию по данному образцу.

Так, автор фэнтези, как правило, не только изображает фантазийный мир, но и сообщает читателю некие *знания* об устройстве и правилах жизни в этом мире. Эти вымышленные знания по аналогии с *квазиреалиями* можно назвать *квазизнаниями*, отметив, что они подаются как специальные знания по биологии, географии, этнографии, магии и теологии фантазийного мира. Не усвоив эти квазизнания о квазиреалиях, читатель не сможет адекватно понять сюжет и смысл произведения. Например, А. Сапковский в фэнтезийном цикле «Ведьмак» описывает магические действия, которые

герои совершают при помощи особых жестов рук – «Знаков». У каждого Знака есть имя собственное и специализация («Знак Аард» – направление энергии в требуемую сторону, «Знак Аксий» – успокаивание, «Знак Игни» – вызов огня, «Знак Гелиотроп» – защита от физических травм, «Знак Квен» – защита от нежити, «Знак Ирген» – магический замок и т.д.). Квазизнания могут излагаться автором в виде стилизованного под научную речь объяснения – с дефинициями, классификацией, книжной лексикой, терминами, имеющими греко-латинские корни («энергия», «психокинетический», «концентрация»), как это можно наблюдать в монологе чародейки Йеннифер, персонажа фэнтези «Кровь эльфов»: *Так называемый Знак Аард, <...> это очень простое заклинание из разряда психокинетических чар, основывающееся на направлении энергии в требуемую сторону. Мощность броска зависит от концентрации воли излучающего и выданной им Силы* [8: 241]. Научообразность речи в этом фрагменте маркируется также использованием форм причастий, которые характерны для метаязыка научных дефиниций.

Поэтому мы полагаем, что квазизнания также следует отнести к обязательным атрибутам фэнтезийной реальности, одна из функций которых – показ «инаковости» изображенного мира, его экзотичности. Кроме того, на наш взгляд, в качестве возможного гиперонима для названий всех фантастических реалий, которые характерны для

фэнтезийного мира, уместен также и узуальный термин *экзотизм*. Данный термин при расширительном понимании обозначает нечто, несвойственное нашему миру, и поэтому его можно использовать также для обозначения любой фантастической вещи, персонажа или явления, пусть даже ставших частью родного национального фольклора. Экзотизм содержит в себе семантику дейксиса, указывая на то, что находится за пределами нашего мира, нашей страны, нашей культуры, нашего исторического времени, но специфично для других миров, культур и эпох, вне зависимости от их реального или вымышленного характера. Поэтому *меч-кладенец* или *Баба-Яга* не только для иностранцев, но и для носителя русской культуры, по сути, являются экзотизмами, если только таковой не верит в материальное существование соответствующих реалий в нашем невымышленном мире.

Таким образом, поскольку для произведений фэнтези передача экзотики фэнтезийного мира является важной (хотя далеко не единственной) задачей, постольку в современных отечественных работах по языку фэнтези изучаются прежде всего экзотизмы, называющие отличия фантастической реальности от первичной, и ведутся поиски и отбор соответствующих понятий и терминов. Эти понятия и термины, с разных ракурсов и с разной степенью определенности описывающие типичные черты языка фэнтези, еще не до конца изучены, нуждаются в обсуждении и упорядочении.

Примечания:

1. Tolkien J.R.R. On Fairy Stories. URL: https://fairytalebooks.org/fairy-tales/uploads/2017/01/Tolkien_On_Fairy_Stories.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

2. Ваулина Е.Ю. Языковая картина нереального мира в современном толковом словаре // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. очно-заочной конф. Краснодар: КубГТУ, 2019. С. 133-141.

3. Дьяченко Е.С., Богатская Е.Ю., Савела С.В. Передача окказионализмов с английского языка на русский (на материале произведения Терри Пратчета «Мор, ученик Смерти») // Актуальные проблемы лингвистики и

лингводидактики: материалы VII науч.-практ. Интернет-конференции с международным участием, посвящ. 90-летию Донского гос. техн. ун-та. Ростов н/Д: ДГТУ, 2020. С. 110-116.

4. Скрыльник В.В. Способы образования авторских неологизмов в английском языке на материале книг Дж. К. Роулинг // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-1 (73). С. 154-157.

5. Кулакова Ю.В. Механизм образования псевдореферентных номинаций в произведениях жанра фэнтези и особенности их перевода на русский язык // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 1. С. 132-137.

6. Божко Е.М. Квазиреалии мира фэнтези, их классификация и роль в воздействии текста перевода на получателя // Научные ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3 (131). С. 188-191.

7. Иванов А.В., Гундина О.С. Специфика перевода квазитопонимов в жанре фэнтези (на материале произведения Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» и его русских переводов) // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2019. № 15. С. 9-13.

8. Сапковский А. Ведьмак. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=2377&p=241 (дата обращения: 10.07.2020).

References:

1. Tolkien J.R.R. On Fairy Stories. – URL: https://fairytalebooks.org/fairy-tales/uploads/2017/01/Tolkien_On_Fairy_Stories.pdf (access date: 10.07.2020)

2. Vulina E.Yu. Language picture of the unreal world in the modern explanatory dictionary // Philological and socio-cultural issues of science and education: collection of materials of the IV International scient. and pract. full-time and correspondence conference. Krasnodar: KubSTU, 2019. P. 133-141.

3. Dyachenkova E.S., Bogatskaya E.Yu., Savela S.V. Transfer of occasional words from English to Russian (based on the work of Terry Pratchett “Mort, the disciple of Death”) // Actual problems of linguistics and linguistic didactics: materials of the VII scient. and pract. Internet conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the Don State Technical University. Rostov-on-Don: DSTU, 2020. P. 110-116.

4. Skrylnik V.V. Ways of formation of author’s neologisms in English on the material of J.K. Rowling’s books // Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2017. No. 7-1 (73). P. 154-157.

5. Kulakova Yu.V. Mechanism of pseudo-referential nominations formation in works of the fantasy genre and specific features of their translation into Russian // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2008. No. 1. P. 132-137.

6. Bozhko E.M. Quasi-realities of the fantasy world, their classification and role in the impact of the translation text on the recipient // Scientific Bulletin of Saint-Petersburg State Polytechnic University. Humanities and Social Sciences. 2011. No. 3 (131). P. 188-191.

7. Ivanov A.V., Gundina O.S. Specifics of translation of quasi-toponyms in the fantasy genre (based on the material of J.R.R. Tolkien’s “The Lord of the Rings” and its Russian translations) // Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of teaching foreign languages. 2019. No. 15. P. 9-13.

8. Sapkowski A. The Witcher. – URL: <http://loveread.ec/readbook.php?id=2377&p=241> (access date: 10.07.2020)

УДК 81'246.3'352.3:373.3.016

ББК 81.001.91

М 61

Минакова В.Ю.

Докторант кафедры прикладной лингвистики Университета штата Пенсильвания, e-mail: vum77@psu.edu

Унарокова Р.Б.

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, e-mail: raya_unarokova@bk.ru

Принципы «трансьязычия» и преподавание миноритарных языков на примере адыгейского языка: к постановке проблемы

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается понятийное содержание концепта «трансьязычие» (*translanguaging*) (русский перевод термина является не совсем удачным, так как в английском названии используется герундий, делающий акцент на активном действии-процессе. Так как форма герундия отсутствует в русском языке, и термин «трансьязычие» уже используется в русскоязычной академической литературе [1], мы останавливаемся на его применении в данной статье) широко распространённого в современной западной социолингвистике. Описываются теоретические принципы «трансьязычия» и опыт их применения в преподавании языков, в том числе миноритарных. Анализируется возможность использования такого подхода на уроках адыгейского языка как родного. Основными методами исследования являются интервью с преподавателями адыгейского языка и наблюдения на уроках. Актуальность работы обусловлена тем, что в последнее время принимаются активные меры по поддержанию и развитию адыгейского языка, и особенно большое внимание уделяется инновационным подходам к его преподаванию в школах. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в попытке сопоставить доминирующие в англо-американском академическом мире понятия и практики с насущными проблемами сохранения коренных языков, а также критически оценить применимость обсуждаемых принципов к изучению адыгейского языка.

Ключевые слова:

«Трансьязычие», миноритарные языки, преподавание адыгейского языка.

Minakova V.Yu.

Doctoral Candidate, Department of Applied Linguistics, University of Pennsylvania, USA, e-mail: vum77@psu.edu

Unarokova R.B.

Doctor of Philology, Professor, Department of History and Culture, Adyghe State University, e-mail: raya_unarokova@bk.ru

Principles of “translanguaging” and minority language teaching using an example of the Adyghe language: problem statement

Abstract:

The article explores the concept of “translanguaging” that has recently gained prominence in western sociolinguistics. The theoretical principles of translanguaging are discussed in relation to language education, including minority language teaching. Drawing on interviews with Adyghe language instructors and classroom observations, the authors consider the possibility of using the principles of translanguaging in Adyghe language teaching. The study is timely given the recent efforts to promote the use and development of Adyghe, with significant attention paid to new approaches to its teaching in schools. The article is an important attempt to bring together theoretical and pedagogical advances of the Anglo-American academia and the pressing problem of indigenous language maintenance, and to critically evaluate the applicability of these developments to Adyghe language teaching.

Keywords:

Translanguaging, minority languages, Adyghe language teaching

В последние годы в западной социалингвистике пересматриваются положения структурного языкознания Ф. де Соссюра о разделении речевой деятельности на язык (*langue*), который представляется как абстрактная, организованная система, и речь (*parole*), т.е. конкретные практики индивидов в процессе общения. На протяжении долгого времени в центре исследований оказывался именно язык как система, в то время как практики общения рассматривались как нечто побочное, часто нарушающее принципы языка и, следовательно, недостойное научного изучения. В настоящее время, напротив, крупнейшие западные социалингвисты с большим интересом изучают спонтанные языковые практики, особенно в многоязычной среде.

Наблюдая за процессами общения в городском пространстве, на рабочих местах, в семьях, и в интернет-среде, ученые приходят к выводу, что одновременное использование нескольких языков в процессе общения – это естественная и обыденная практика людей, владеющих более чем одним языком [2]. Если в структурной лингвистике двуязычие воспринимается как параллельное функционирование двух изолированных систем, то новые наблюдения указывают скорее на существование у билингвов единого языкового поля, неразделимого

на составные части. Размытие границ между языками и переключение фокуса именно на изучение речевых практик, а не абстрактных систем, привели к появлению целого ряда новых терминов, например: *плюрилингвизм (plurilingualism)*, *метролингвизм (metrolingualism)*, *транслингвальные практики (translingual practices)*, *трансязычие (translanguaging)*. Мы остановимся на последнем, т.к. он получил наиболее широкое применение и оказывает значительное влияние на преподавание иностранных языков в США и Европе.

Большой вклад в развитие концепта «трансязычие» внесла исследовательница О. Гарсия из Городского Университета Нью-Йорка (City University of New York). По ее определению, «трансязычие» – это «подход к билингвизму, в центре которого оказываются не языки, как это было долгое время, а практики билингвов, поддающиеся наблюдению. Трансязычные практики видятся не как нечто необычное, а как естественная форма общения, которая, за небольшим исключением [...], характерна для всех языковых сообществ в мире» [3: 44. Перевод наш Ю.М.]. При этом «трансязычие» не сводится к попеременному использованию языков или их смешению; исследователи настаивают на существовании у билингвов **единого «языкового репертуара»**, из которого

говорящие выбирают подходящие к ситуации средства для выражения своих мыслей [4: 22]. В этом, считают О. Гарсия и ее последователи, состоит принципиальное отличие «трансьязычия» от идеи «переключения языковых кодов» (code-switching), основанной на том, что билингвизм - это сумма двух отдельных языков [5: 1]. Также подчеркивается, что «трансьязычие» - не временное явление, от которого дети-билингвы постепенно отходят, овладев в достаточной степени обоими языками [5: 2]. Напротив, оно позиционируется как устойчивая норма, характеризующая общение билингвов на протяжении всей жизни.

Это теоретическое переосмысление имеет конкретное практическое применение в сфере образования. Совместно с коллегами и школьными преподавателями О. Гарсия выпустила методическое пособие [5], которое объясняет основы и принципы «трансьязычия» и предлагает варианты его применения на уроках языка, а также других предметов в билингвальных школах. Авторы пособия рассматривают «трансьязычие» как ценный ресурс, который нужно активно использовать на занятиях для лучшего понимания и освоения материала и создания более доброжелательной среды, где ценятся все языковые ресурсы учащихся. Техники, описанные в пособии, значительно отличаются от идеи «погружения» в языковую среду, когда максимально задействован изучаемый язык и по возможности исключается применение других языков. Так, например, на уроках английского перед обсуждением темы учащимся предлагается показать видео, связанное с темой, на их «домашнем языке» (home language), то есть, на том языке, который они чаще всего используют в семье. Далее ученики прочтут текст на английском на схожую тему и смогут лучше его усвоить, т.к. уже понимают, о чем идет речь благодаря ранее просмотренному видео [5:81].

Также предлагается задействовать Интернет-ресурсы, с помощью которых ученики могут изучить информацию на более понятном им языке, а затем сделать презентацию или написать сочинение на английском [5:96]. На сайте Городского Университета Нью-Йорка [6] также выложены короткие видео, демонстрирующие, как «трансьязычие» выглядит на практике. В одном из них преподаватель объясняет испаноязычным ученикам младшей школы английские идиомы. Озвучивая цель урока, она попеременно использует английский и испанский языки, затем читает идиомы на английском, переводит их дословно на испанский и поясняет их значение на английском. При этом ученики могут задавать вопросы или делать комментарии на испанском и/или английском языках. Преподаватель отвечает на их реплики, не акцентируя внимание на выбор языка, и продолжает объяснение идиом. Во второй части урока разбираются идиомы на испанском, и в основном используется испанский язык, хотя некоторые дети сами начинают спонтанно переводить идиомы на английский. Таким образом, задействованы все языковые ресурсы учеников для лучшего понимания материала.

Помимо педагогической пользы, идея «трансьязычия» призвана нести «социальную справедливость» (social justice) в области преподавания. Долгое время в американской системе образования считалось, что лучший способ для детей-иммигрантов выучить английский язык - это полностью исключить использование языка домашнего общения. В результате язык иммигрантов оказывался в «приниженном» состоянии, как нечто мешающее детям в полной мере овладеть английским-языком «успешного будущего». «Трансьязычие», напротив, основано на идее равноценности языков и призывает рассматривать билингвизм как ресурс, а не препятствие, которое необходимо преодолеть.